

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 7–15.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 1 (82):7–15.

Научная статья

УДК 94(47).066

DOI 10.37724/RSU.2024.82.1.001

О происхождении самозванства Е. И. Пугачева (из показаний атамана И. Н. Зарубина)

Виктор Яковлевич Мауль¹, Оксана Валентиновна Лазарева²

^{1,2} Тюменский индустриальный университет, Нижневартовск, Россия

¹ VYMAul@mail.ru

² lazareva.oksana2876@gmail.com

Аннотация. В статье проведен критический анализ историографического стереотипа об осведомленности ближайших соратников Е. И. Пугачева в его самозванстве. С этой целью сопоставлены и систематизированы материалы допросов первых сподвижников Пугачева, главным образом показания атамана И. Н. Зарубина. Выдвинута и обоснована гипотеза о том, что яицкие казаки сразу поверили, будто Пугачев — действительно император Петр III. Показано, что только по этой причине первые сторонники изъявили готовность оказать ему полную поддержку в борьбе за права и вольности яицкого казачества.

Ключевые слова: самозванец, самозванство, царь, Е. И. Пугачев, Пугачевский бунт, яицкие казаки, Чика-Зарубин, историография.

Для цитирования: Мауль В. Я., Лазарева О. В. О происхождении самозванства Е. И. Пугачева (из показаний атамана И. Н. Зарубина) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 1 (82). С. 7–15. DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.001.

Original article

About the origin of Yemelyan Pugachev's imposture (based on testimony of ataman Ivan Zarubin)

Viktor Ya. Maul¹, Oksana V. Lazareva²

^{1,2} Tyumen Industrial University, Nizhnevartovsk, Russia

¹ VYMAul@mail.ru

² lazareva.oksana2876@gmail.com

Abstract. The article provides a critical analysis of the historiographic stereotype about the awareness of Yemelyan I. Pugachev's closest associates in his imposture. For this purpose, we have compared and systematized materials from interrogations of Pugachev's first associates, mainly the testimony of ataman Ivan. N. Zarubin. We set

forward and substantiated the hypothesis that the Yaik Cossacks immediately believed that Pugachev was really Emperor Peter III. It is shown that only for this reason the first supporters expressed their readiness to provide him with full support in the fight for the rights and liberties of the Yaik Cossacks.

Keywords: impostor, imposture, tsar, Ye. I. Pugachev, Pugachev rebellion, Yaik Cossacks, Chika-Zarubin, historiography.

For citation: Maul V. Ya., Lazareva O. V. About the origin of Yemelyan Pugachev's imposture (based on testimony of ataman Ivan Zarubin). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 1 (82):7–15. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.82.1.001.

Введение

Объектом исследования является самозванческая интрига Е. И. Пугачева, способствовавшая возникновению одного из крупнейших в дореволюционной России народных бунтов под знаменем «истинного царя» Петра III.

Предмет изучения заключается в вопросе осведомленности или неосведомленности ближайшего окружения Пугачева в его самозванстве: была ли откровенная монархическая мистификация заговорщиков, или имела место искренняя вера рядового казачества в возвратившегося «императора Петра Федоровича».

Цель статьи — верификация познавательного потенциала имеющихся исторических источников на основе комплекса судебно-следственных материалов по делам первых сподвижников Пугачева, главным образом за счет текстологического анализа показаний пугачевского атамана И. Н. Зарубина.

Основная часть

При всей масштабности интереса современников и потомков к Пугачевскому бунту вопросу появления Пугачева в образе чудом спасшегося Петра III и признания его в таком качестве первыми сторонниками редко уделялось полноценное внимание. Между тем встреча яицкой делегации с будущим предводителем имела большое значение, поскольку от ее исхода во многом зависело, разгорится ли на Яике пожар всероссийского бунта. Кажется, историки единогласно сошлись на том, будто инициаторы самозванческой затеи точно знали, что под личиной «надежи-государя» скрывался беглый донской казак, но меркантильно решили использовать беглеца для достижения собственных целей. Подобным образом оценивал ситуацию первый исследователь Пугачевского бунта, А. С. Пушкин. «...Яицкие заговорщики, — писал он, — ...положили быть новому мятежу. Самозванство показалось им надежной пружиной. Для сего нужен был только прошлец дерзкий и решительный, еще неизвестный народу. Выбор их пал на Пугачева. Им не трудно было его уговорить» [Пушкин, 1834, с. 16].

Надо сказать, столь неочевидная трактовка все же имела под собой определенные основания, о чем Пушкин не знал и больше руководствовался интуицией и здравым смыслом. К таким основаниям можно, например, отнести фрагмент показаний видного пугачевца М. Д. Горшкова: «...вздумали мы назвать сего Пугачева покойным государем Петром Федоровичем, дабы он нам возстановил все наши прежние обряды, какие до сего были, а бояр, которые больше всего в сем деле умничают и нас разоряют, всех истребить» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 421. Л. 2–2 об]. Однако, как известно, Горшков говорил не от первого лица, а пересказывал чужие слова. Сам он не являлся непосредственным свидетелем событий августа — середины сентября 1773 года, развернувшихся на Таловом уме в 60 верстах от Яицкого городка. Он только по слухам знал историю о том, как первые адепты явленного «государя», собираясь поочередно и вместе на отдаленных казачьих хуторах, знакомились с «третьим императором» и обсуждали перспективные планы. Таких сторонников оказалось несколько человек — все они происходили из среды яицких казаков, известны поименно (Г. М. Закладнов, Д. К. Караваев, С. Кунишников, М. Г. Шигаев, И. Н. Зарубин, Т. Г. Мясников) и были уполномочены войсковой оппозицией на ведение переговоров. Через несколько дней узкий круг незначительно расширился за счет братьев Ко-

жевниковых и Кочуровых, Д. С. Лысова, Б. Идеркеева, И. Я. Почиталина, В. С. Коновалова и немногих других. К их числу стоит добавить очевидца первой попытки Пугачева в ноябре 1772 года примерить на себя императорский наряд — яицкого казака Д. С. Пьянова. Именно от него по Яику расползлись ошеломляющие новости о появлении истинного государя Петра Федоровича. Невольными соучастниками заговора также оказались содержатель постоялого двора С. М. Оболяев и скрывавшийся на Таловом уме беглый крестьянин А. С. Чучков.

Идея об осведомленности начальных соратников Пугачева в его самозванстве прочно утвердилась в работах дореволюционных ученых. Историк Н. Ф. Дубровин выразил, пожалуй, общее мнение, что «происхождение и личность Пугачева для яицких казаков не имели никакого значения; им необходим был человек чужой среды, никому не известный в войске, человек такой, который, воспользовавшись уверенностью русского народа, что Петр III жив, провозгласил бы себя государем и возвратил войску Яицкому все его прежние права, привилегии и вольность. <...> Так думали главные вожак и решились не только не выдавать никому признания Пугачева, а напротив убеждать всех и каждого, что он истинный и природный государь» [Дубровин, 1884, с. 221].

Показательно, что глубокие различия в подходе к истории народного протеста не помешали советским историкам в данном случае солидаризоваться с «дворянско-буржуазными» «фальсификаторами» прошлого. Правда, причины тому были совсем иными, коренящимися в особенностях марксистско-ленинского понимания классовой борьбы. Например, историк А. И. Гайсинович, один из первых советских биографов Пугачева, следующим образом представлял ход рассуждений «ближайшего пугачевского окружения»: «Борьбу казачества должен возглавить царь. Но подлинного казацкого царя не сыщешь; пусть же им будет беглый донской казак, лишь бы народ верил и шел за ним» [Гайсинович, 1937, с. 90]. Тремя десятилетиями позднее, выясняя специфику отношений яицких казаков с Пугачевым, историк А. И. Андрущенко утверждал, «что, объявив себя императором Петром III, он уже в период подготовки восстания открыл некоторым наиболее доверенным казакам свое подлинное имя» [Андрущенко, 1969, с. 30]. Еще более безапелляционны суждения авторов коллективной монографии «Пугачев и его сподвижники»: «Казакам было безразлично, выступает ли перед ними подлинный император Петр Федорович или донской казак, принявший его имя. Важно было, что он становился знаменем в их борьбе за свои права и вольности, а кто он на самом деле — не все ли равно?» [Лимонов, Мавродин, Панях, 1965, с. 16].

Количество аналогичных мнений растворяется в дымке бесконечности, в том числе приумножаясь за счет современной историографии. В одной из новейших работ даже написано, что «не только названные казаки, но и люди, присоединившиеся к Пугачеву позже, причем обязательно из числа яицких казаков, прекрасно понимали, что имеют дело с самозванцем. <...> Следовательно, они, в отличие от многих тогдашних простолюдинов, не испытывали никакого священного трепета перед персоной монарха, поскольку, по мнению таких циников, царь должен лишь удовлетворять их требования, а кто он при этом по происхождению — Петр Федорович или простой казак — дело десятое» [Трефилов, 2015, с. 76].

В целом понять солидарную позицию исторической науки несложно с учетом глубокой культурной пропасти между «верхами» и «низами» российского общества. В рациональном сознании высокообразованных интеллектуалов не укладывалась мысль о возможности искренней веры в сверхъестественное чудо возвращения «избавителя» в лице «добротого царя». Однако недавние критические публикации обозначили хрупкость источникового фундамента, на который опиралась и опирается вся эта, как оказалось, не очень прочная система доказательств [Мауль, 2013, 2018 ; Обухова, 2016, с. 133–166].

Помимо упомянутых свидетельств М. Д. Горшкова, невнятных признаний М. Г. Шигаева («он тогда крайне обробел и не знал што делать, верить ли ему или не верить») [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 101]) и ряда других, главным козырем в арсенале историков являются показания пугачевского «графа Чернышева» — яицкого казака И. Н. Зарубина по прозвищу Чика, данные на допросе в Казанской секретной комиссии в сентябре 1774 года. Согласно общепринятой версии, из показаний видно, что он, «как и некоторые другие яицкие казаки, не заблуждался относительно истинного имени “Петра III”», но, несмотря на это, с самого начала признал Пугачева предводителем и «сразу же решительно и бесповоротно встал под знамена зарождающегося восстания» [Лимонов, Мавродин, Панях, 1965, с. 43].

Чтобы оценить весомость предъявленных научных аргументов, необходимо систематизировать имеющуюся информацию. Известно, что Зарубина порознь и на очных ставках с соратниками допрашивали несколько раз, в том числе дважды это случилось в Казани, где на втором допросе он «порадовал» царских следователей и вдохновил будущую когорту историков россыпью красочных разоблачений, сообщив следующее:

- 1) сомневаться в истинности государя Зарубин стал при первой встрече с ним, потому что смутился внешним видом и одеждой названного Петра Федоровича;
- 2) сомнения в личности законного правителя укрепились после настойчивых расспросов Д. К. Караваева, который сказал, что перед ними — не государь, а донской казак, но, несмотря на это, Чика согласился признать его «третьим императором» ради блага всего войскового братства;
- 3) Пугачев, когда они остались один на один, подтвердил Зарубину, что он самозванец, и назвал свое настоящее имя — Емельян Иванов;
- 4) информация о самозванстве Пугачева по секрету была раскрыта Зарубиным его приятелю, казаку Д. С. Лысову;
- 5) Чика надеялся, что самозванческая интрига увенчается успехом, и не обращал внимания на разоблачительную риторику официальных документов;
- б) демонстрация внешних знаков почтения к названому государю и внушение бунтовщикам идеи о том, что во главе их дела стоит истинный царь-батюшка, предпринимались Зарубиным для поддержания мифа о Пугачеве [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 328–328 об., 329 об., 330–330 об., 333, 335 об].

На первый взгляд, все перечисленное действительно доказывает прагматичный характер связей между появившимся «государем» и его пока немногочисленной «свитой» как взаимовыгодной сделки деловых людей, между которыми нет недоговоренностей. Об этом, к тому же, прямо говорит признательная тирада «графа Чернышева»: «Но он, Зарубин, и другие, которые знали, что он козак, как уже положили в сердце своем произвезть злодейство, то оному и следовали, говоря для прославления наиболее Пугачева государем, как де козаку принятца за такое великое дело» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 333].

И все же следует помнить, что аксиома ремесла историка заключается не в выборочном цитировании исторических документов, которые устраивают исследователя, а в их комплексном изучении, например, через перекрестное сопоставление всех имеющихся источников, даже если какие-то сведения из них противоречат картине, априорно сложившейся в голове ученого. Это тем более актуально, когда речь идет о такой сложной разновидности, как судебно-следственные материалы. Однако, если придерживаться строгих правил методики источниковедения, невозможно объяснить, почему историки предпочли только что приведенную формулировку, а не ее оригинальный вариант: «Также и он, Зарубин, размышляя о том указе, что как де казаку взятца за такое дело, всему тому не поверил, а почел злодея истинным государем» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 322 об].

Не стоит думать, будто пленник вначале юлил и упирался, оправдывая себя и товарищей, а потом чистосердечно покаялся. Напротив, на последнем московском допросе 7 ноября 1774 года, когда горькая участь была предрешена и лукавить дальше не имело смысла, Чика, не отрицая своей заметной роли в бунте, вернулся к исходным утверждениям: «О злодее не донес, и всякого рода злодействы верным ее императорского величества людям, так как убивства, он с толпою (: которую он и сам в разных местах и селениях набирал :) чинил, думая, что сей злодей был государь, а потому ему и усердствовал» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512, ч. 1. Л. 260].

В свете сказанного ожидаемо, что и прежде, и после в судебно-следственных материалах не найти других упоминаний о выяснении Чикой личности самозванца в беседах с Пугачевым, а равно и с Караваевым. О якобы имевших место частных разговорах промолчали и оба предполагаемых собеседника Зарубина. Гипотетически согласимся, что Караваев мог утаить опасный факт из предосторожности, чтобы не усугублять своей вины [РГАДА. Ф. 349. Оп. 1, ч. 2. Д. 7330]. Но аргументы Пугачева должны были быть прямо противоположными. Видимо, так же рассуждали деятели сыска, 5 декабря 1774 года сведшие на очной ставке Пугачева, Зарубина, Караваева и Шигаева. Развенчанный «Петр Федорович» принес тогда покаяние «всему роду христианскому» и попытался переложить вину с себя на других: «...а все от него злодеяние произошло по поводу яицких казаков, ибо они точно знали, что он не государь, а донской казак, но они желали сим ево злодеянием получить себе помощь» [Емельян Пугачев на следствии, 1997, с. 233].

Кажется, что в подтверждение самому себе Пугачев должен был назвать Зарубина и всех прочих «знатоков», как, например, в тиражируемой историками фразе Чики: «...я де подлинно донской козак Емельян Иванов, не потаил де я о себе и сказывал Кораваеву и Шыгаеву, также Пьянову» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 329 об]. Но, словно протестуя против расширения списка сопричастников, на очной ставке Пугачев признался, что «настоящего своего имени» он не таил вовсе не от Зарубина и иных, а только от Шигаева [Емельян Пугачев на следствии, 1997, с. 233]. Поэтому в период зарождения заговора Чика и впрямь мог заблуждаться относительно личности самозванца, хотя и имел возможность услышать правду от единственного «осведомленного» земляка. Впрочем, тот в августе-сентябре 1773 года, не доверяя Зарубину, едва ли раскрыл бы секрет. «Я боюсь вон этова (указав на Чика) вора, — говорил М. Г. Шигаев, — он у нас де человек причинной и бывал во многих приводах» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 101 об]. Да и сведений о таком канале утечки информации (от Шигаева к Зарубину) не приводит ни один из участников событий на Таловом умете.

Эвристическая экспертиза источников позволяет выдвинуть гипотезу, что «сокровенные беседы» и прочие откровения Зарубина — всего лишь отражение *idée fixe* вершителей правосудия, внушенной подследственному с помощью двенадцатикратного увещевания, как водится, под обещание, будто тем самым «я себе сделаю легость» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 336 об]. То же можно сказать и о якобы раскрытой Зарубиным тайне самозванца казаку Лысову (тет-а-тет), у которого к сентябрю 1774 года не имелось ни единого шанса опровергнуть навет: еще в начале марта по приказу Пугачева/Петра III он был казнен.

Ретивость служителей закона отчасти объясняется тем, что в их памяти свежи были потрясения недавней междоусобной смуты на Яике [Рознер, 1966]. Пугачевщина же не без оснований мыслилась продолжением преступной борьбы непокорного казачества, только теперь иными, еще более преступными средствами. Облеченным полномочиями чиновникам самозванец должен был представляться сознательно выбранным инструментом в руках расчетливых яицких интриганов, таких как Зарубин. Оставалось только добиться соответствующего подтверждения от него самого. О принуждении Чики к перемене показаний сказано сразу после того, как он утвердился на своих первоначальных позициях. Похоже, смысл и интонация признаний не оправдали ожиданий царских дознавателей, решивших подвергнуть Зарубина дополнительному допросу «под наказанием и по улике Ульянова»¹ [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 325]. В результате из уст измученного узника были вырваны «нужные» сведения.

Сравнение протоколов разных допросов Зарубина выявило в них изрядные расхождения вплоть до полной противоположности именно в той части, которая обычно служит доказательством того, что союз «царя» и «подданных», заключенный в августе-сентябре 1773 года, — всего лишь холодный расчет сторон, нуждавшихся друг в друге. Складывается обманчивое впечатление, будто яицкие казаки с самого начала знали, что Пугачев — это Пугачев, донской казак, а не всероссийский император. Более того, некоторые детали прозрачно намекают на искусственное рождение данной версии в умах следователей, перед которыми высочайшим повелением была поставлена задача «лучшего же уздания начали и всех концов сего злодейского дела» [Екатерина II, 1875, с. 124]. Служебное рвение, как не раз бывало и до, и после, могло сыграть со следователями злую шутку, особенно с учетом того, что в повседневную «практику Казанской секретной комиссии вошли пытки и истязания допрашиваемых» как «одно из самых надежных средств к установлению истины» [Овчинников, 1995, с. 22–23]. Имеются данные, что к Зарубину применялось «вразумление» «кошками» — ременными веревками с узлами на концах, а позже в Москве он три дня в полной тьме просидел в «покаянной комнате», где, как докладывал знаменитый кнутабоец С. И. Шешковский, «увещевал я его всеми образами убеждения и совести» [Лимонов, Мавродин, Панях, 1965, с. 59]. Это объясняет метания Чики из крайности в крайность — от признания до отрицания подлинности «государя».

¹ Имеются в виду показания пугачевца И. И. Ульянова в Казанской секретной комиссии, данные в августе 1774 года: «Будучи же еще в Берде, слышел он, Ульянов, от Зарубина, от Шигаева и от протчих яицких казаков неоднократно между разговорами, бывши пьяные, что самозванец есть донской казак» [Пугачевщина, 1929, с. 127]. См. об этом: [Мауль, 2013, с. 13].

Больше доверия внушает растерянность Зарубина, отправившегося на Таловой умет к «батюшке-царю», а увидевшего на незнакомце «платье козацкое, он же де с бороною и острижен по казацки», а потому, «видя Пугачева по образу, думал и рассуждал сам с собою, что ему государем быть нельзя, а какой-нибудь простой человек» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 328]. Не разрешили сомнений и вроде бы логичные разъяснения Караваяева, который, «улыбнувшись, отвечал: он де нарочно так себя прикрывает, чтоб ево не признали, нарочно де и бороду отпустил» [Там же, л. 328]. Да и как не усомниться, если «о кончине покойного государя императора Петра Третьего опубликованные указы он слышал» [Там же, л. 320], а простецкий вид названного «Петра Федоровича» действительно мог поставить в тупик не только Чику, но всех вообще яицких казаков, не избалованных высочайшими аудиенциями и впервые лицом к лицу столкнувшихся с «наместником Бога на земле». Как выразился казак И. С. Харчев, «почему нам знать, что это государь, мы де в Москве и Питере не бывали и непочему нам знать» [Там же. Д. 512, ч. 1. Л. 264 об].

Поскольку внешность самозванца не впечатлила яицких переговорщиков, они ждали более серьезных доказательств, что, по верному замечанию историка О. Г. Усенко, было излишним, «если бы им был нужен просто человек, играющий роль императора» [Усенко, 1995, с. 54]. Хотя процедура освидетельствования Пугачева отмечена в показаниях всех причастных фигурантов, наиболее сжато и отстраненно о ней поведал как раз Чика-Зарубин: «В то время Караваяев названного ими злодея государем спрашивал, покажи де ты нам, государь, царские свои знаки, то он, разорвав свою рубашку и открыв грудь, показывал, на оной были две ямки, вот де царские приметы, и о тех-то знаках после весь народ говорил, что де есть на нем царские знаки» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 327 об. — 328]. В исходном же варианте зафиксированы другие слова: «Караваяев спрашивал, как де, батюшка, говорят, что на тебе есть царские знаки, покажи де нам, батюшка, свои царские приметы, то он злодей, разорвав на себе рубашку, показывал им свою грудь, на которой видели они, что были так, как две ямки, чему они больше еще поверили» [Там же, л. 320 об]. Заметим: никакой не безликий «весь народ», а они — очевидцы-казаки и лично Зарубин — «больше еще поверили».

Высокий эмоциональный накал судьбоносной встречи ощущается в словах Шигаева о том, что при взгляде на «царя» «подрало у него кожу так, как бы морозом» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 101], а Мясникова вообще столь «великой страх обуял, так что руки и ноги затряслись» [Протокол показаний ... , 1980, с. 98]. Только Зарубин, по собственному сообщению, сохранил хладнокровие. Впрочем, Чучков, вблизи наблюдавший явление «царя» народу, запомнил иное: как все присутствовавшие казаки (то есть и Чика тоже) в благоговейном трепете, упав на колени, твердили: «теперь де мы верим и признаем вас, великого государя Петра Федоровича, и потом целовали его руку» [Там же, л. 149–149 об]. Выдумать столь яркие подробности «сакрального» события человеку, заслужившему от следователей нелестные эпитеты «дурак» и «весьма прост» [Овчинников, 1993, с. 133], едва ли было под силу. Тем более что точно в таком же виде финал разговора запомнился Пугачеву: «Оные казаки, Шигаев, Караваяев, Зарубин, Мясников, посмотря на те знаки, сказали: “Ну, мы теперь верим и за государя тебя признаем”» [Емельян Пугачев на следствии, 1997, с. 161–162]. Добавим еще, что оба показания были даны независимо друг от друга, а это, несомненно, усиливает к ним степень исследовательского доверия.

Впрочем, если казаки нуждались в доказательствах, значит, отправляясь на Таловой умет, рассчитывали увидеть там не просто амбициозного проходимца, а настоящего Петра Федоровича, готового вступить за их права и обычаи. Если при встрече с Пугачевым тряслись руки и ноги, если чувствовалась робость и перехватывало дыхание, значит, казаки действительно прониклись историей о представшем перед ними истинном правителе и поверили в нее, а не просто играли роль. А, поверив, пошли за предводителем до конца, поклялись «пред богом служить тебе государь во верности до последней капли крови, и хотя все войско яицкое пропадет, а тебя живова в руки не отдадим» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 506. Л. 149 об].

Показания Зарубина на допросах, при всей их противоречивости, иллюстрируют многочисленными примерами искреннюю веру и беззаветную преданность «надеже-государю» — заступнику за отнятые вольности и привилегии. После разгрома яицкого восстания 1772 года в обретении «подлинного» Петра III Зарубин мог усмотреть последний «законный» шанс постоять за интересы войскового сообщества, стараясь преуспеть в этом деле не меньше других своих собратьев-казаков, а возможно, даже больше, чем кто-либо из них. Полагаем, императрица Ека-

терина II не сильно преувеличила, считая, что «в Чике вся машейничество самозванца кроется, и что он то начальник всего зла» [Екатерина II, 1875, с. 122]. С самого начала став ревностным сторонником «царя-батюшки», Зарубин находился «тогда в той толпе, и после того, даже до взятия ево Михельсоном» [РГАДА. Ф. 6. Оп. 1. Д. 512, ч. 1. Л. 260].

Заключение

Как было показано, доминирующая в историографии точка зрения об осведомленности яицких казаков, встречавшихся с Пугачевым на Таловом уме, в его самозванстве в значительной степени основывается на показаниях Зарубина — одного из главных участников тех ключевых событий. Именно в протоколах его допросов сохранилось большинство ярких «доказательств», стереотипно цитируемых для подтверждения общепринятого взгляда. Между тем комплексная компаративная проверка источников не дала однозначного ответа на вопрос: знали ли яицкие казаки о том, что под именем Петра III скрывается подставное лицо. Точно так же из слов Зарубина нельзя однозначно установить осведомленность казаков, что подставным лицом являлся беглый донской казак Пугачев. И наоборот, анализ показаний пугачевского атамана дает возможность предложить иную гипотезу: на Таловом уме в августе-сентябре 1773 года собрались переговорщики, действительно поверившие названному «государю» и по одной только этой причине выказавшие решительную готовность оказать ему всемерную поддержку в борьбе за возвращение царского трона и яицкой старины.

Список источников

1. Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. — М. : Наука, 1969. — 360 с.
2. Гайсинович А. И. Пугачев. — М. : Журн.-газ. объедин., 1937. — 248 с.
3. Дубровин Н. Ф. Пугачев и его сообщники: эпизод из истории царствования Императрицы Екатерины II. — СПб. : Тип. И. Н. Скороходова, 1884. — Т. 1. — 411 с.
4. Екатерина II. [Письма к П. С. Потемкину. 1774] // Русская старина. — 1875. — Т. 13, № 5. — С. 115–125.
5. Емельян Пугачев на следствии : сб. док. и материалов. — М. : Языки рус. культуры, 1997. — 464 с.
6. Лимонов Ю. А., Мавродин В. В., Панях В. М. Пугачев и его сподвижники. — Л. : Наука : Ленингр. отд-ние, 1965. — 141 с.
7. Мауль В. Я. Пугачев/«Петр III» и его первые сторонники (дискуссионный вопрос из истории российских самозванцев) // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. — 2013. — № 4 (25). — С. 169–178.
8. Мауль В. Я. «...Не переставал считать ево государем» (к вопросу о самозванстве Е. И. Пугачева) // Девятое Большаковские чтения. Оренбургский край как историко-культурный феномен : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2018. — С. 150–153.
9. Обухова Ю. А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). — Тюмень : ТИУ, 2016. — 201 с.
10. Овчинников Р. В. Документы о пугачевцах, отбывавших ссылку на Беломорском Севере // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). — М. : ИРИ РАН, 1993. — С. 123–146.
11. Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачевым и его сподвижниками: источниковедческое исследование. — М. : ИРИ РАН, 1995. — 272 с.
12. Протокол показаний сотника яицких казаков-повстанцев Т. Г. Мясникова на допросе в Оренбургской секретной комиссии 9 мая 1774 г. // Вопросы истории. — 1980. — № 4. — С. 97–103.
13. Пугачевщина : в 3 т. / подгот. к печати С. А. Голубцовым. — М. ; Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1926–1931. — Т. 2 : Из следственных материалов и официальной переписки. — 1929. — 495 с.
14. Пушкин А. С. История Пугачевского бунта : в 2 ч. — СПб. : В тип. II Отд-ния СЕИВК, 1834. — Ч. 1. — 120 с.
15. Рознер И. Г. Яик перед бурей (Восстание 1772 года на Яике — предвестник Крестьянской войны под руководством Е. Пугачева). — М. : Мысль, 1966. — 207 с.
16. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). — Ф. 6. — Оп. 1. — Д. 421, 506, 512, ч. 1 ; Ф. 349. — Оп. 1, ч. 2. — Д. 7330 ; Ф. 1100, ч. 1, кн. 2.
17. Трефилов Е. Н. Пугачев. — М. : Молодая гвардия, 2015. — 398 с.
18. Усенко О. Г. Самозванчество на Руси: норма или патология // Родина. — 1995. — № 1. — С. 53–57.

References

1. Andrushchenko A. I. *Krestyanskaya voyna 1773–1775 gg. na Yaike, v Priuralye, na Urale i v Sibiri* [The Peasant War of 1773–1775 on the Yaik, in the Urals, and in Siberia]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 360 p. (In Russian).
2. Gaisinovich A. I. *Pugachev* [Pugachev]. Moscow, Zhurnalno-gazetnoye obyedineniye Publ., 1937, 248 p. (In Russian).
3. Dubrovin N. F. *Pugachev i yego soobshchniki: epizod iz istorii tsarstvovaniya Imperatritsy Yekateriny II* [Pugachev and his accomplices: an episode from the history of the reign of Empress Catherine II]. St. Petersburg, I. N. Skorokhodov Publ., 1884, vol. 1, 411 p. (In Russian).
4. Catherine II. Letters to P. S. Potemkin. 1774. *Russkaya starina* [Russian antiquities]. 1875, vol. 13, iss. 5, pp. 115–125. (In Russian).
5. *Yemelyan Pugachev na sledstvii: sb. dok. i materialov* [Emelyan Pugachev during the investigation: collection of documents and materials]. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ., 1997, 464 p. (In Russian).
6. Limonov Yu. A., Mavrodin V. V., Paneyakh V. M. *Pugachev i yego spodvizhniki* [Pugachev and his associates]. Leningrad, Nauka Publ., Leningrad department, 1965, 141 p. (In Russian).
7. Maul V. Ya. Pugachev. “Peter III” and his early supporters (a controversial issue from the history of Russian impostors). *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Surgut State Pedagogical University]. 2013, iss. 4 (25), pp. 169–178. (In Russian).
8. Maul V. Ya. “...I never stopped defending him as my sovereign” (about Ye. I. Pugachev’s imposture). *Devyatyye Bolshakovskiy chteniya. Orenburgskiy kray kak istoriko-kulturnyy fenomen: sb. st. Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [9th Bolshakov Readings. Orenburg region as a historical and cultural phenomenon: collection of articles from an international scientific-practical conference]. Orenburg, OGPU Publ., 2018, pp. 150–153. (In Russian).
9. Obukhova Yu. A. *Fenomen monarkhicheskikh samozvantsev v kontekste rossiyskoy istorii (po materialam XVIII stoletiya)* [The phenomenon of monarch impostors in the context of Russian history (based on 18th-century materials)]. Tyumen, TIU Publ., 2016, 201 p. (In Russian).
10. Ovchinnikov R. V. Documents about the Pugachevites who served exile in the White Sea North. *Issledovaniya po istochnikovedeniyu istorii Rossii (do 1917 g.)* [Research on source studies of the history of Russia (before 1917)]. Moscow, IRI RAS Publ., 1993, pp. 123–146. (In Russian).
11. Ovchinnikov R. V. *Sledstviye i sud nad Ye. I. Pugachevym i yego spodvizhnikami: istochnikovedcheskoye issledovaniye* [Investigation and trial of Ye. I. Pugachev and his associates: source study]. Moscow, IRI RAS Publ., 1995, 272 p. (In Russian).
12. Protocol of testimony of T. G. Myasnikov, sotnik of Yaik Cossack rebels, during interrogation at the Orenburg Secret Commission on May 9, 1774. *Voprosy istorii* [Issues of history]. 1980, iss. 4, pp. 97–103. (In Russian).
13. *Pugachevshchina: v 3 t.* [Pugachevshchina: in 3 vols.]. Prepared for publication by S. A. Golubtsov. Moscow, Leningrad, Gosudarstvennoye sotsialno-ekonomicheskoye izdatelstvo Publ., 1926–1931, vol. 2: From investigation materials and official correspondence, 1929, 495 p. (In Russian).
14. Pushkin A. S. *Istoriya Pugachevskogo bunta: v 2 ch.* [History of the Pugachev rebellion: in 2 parts]. St. Petersburg, II Department of SEIVK Publ., 1834, Part 1, 120 p. (In Russian).
15. Rozner I. G. *Yaik pered burey (Vosstaniye 1772 goda na Yaike — predvestnik Krestyanskoy voyny pod rukovodstvom Ye. Pugacheva)* [Yaik before the storm (The 1772 uprising on the Yaik as a harbinger of the Peasant War under the leadership of Ye. Pugachev)]. Moscow, Mysl Publ., 1966, 207 p. (In Russian).
16. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA)* [Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA)]. F. 6. Op. 1. D. 421, 506, 512, part 1; F. 349. Op. 1, part 2. D. 7330; F. 1100, part 1, book 2. (In Russian).
17. Trefilov Ye. N. *Pugachev* [Pugachev]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2015, 398 p. (In Russian).
18. Usenko O. G. Impostors in Rus’: norm or pathology. *Rodina* [Motherland]. 1995, iss. 1, pp. 53–57. (In Russian).

Информация об авторах

Мауль Виктор Яковлевич — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарно-экономических и естественно-научных дисциплин Тюменского индустриального университета.

Сфера научных интересов: русский бунт, самозванцы, социокультурная история, методология и историография истории.

Лазарева Оксана Валентиновна — ассистент кафедры гуманитарно-экономических и естественно-научных дисциплин Тюменского индустриального университета.

Сфера научных интересов: Пугачевский бунт, самозванство, методика преподавания английского и персидского языков, социолингвистика и этнолингвистика английского языка.

Information about the authors

Maul Viktor Yakovlevich — doctor of history, professor of the Department of Humanitarian, Economic and Natural Sciences at Tyumen Industrial University.

Research interests: Russian revolt, impostors, sociocultural history, methodology and historiography of history.

Lazareva Oksana Valentinovna — assistant at the department of humanities, economics and natural sciences, Tyumen Industrial University.

Research interests: Pugachev's rebellion, imposture, methods of teaching English and Persian languages, sociolinguistics and ethnolinguistics of the English language.

Статья поступила в редакцию 01.11.2023; принята к публикации 17.12.2023.

The article was submitted 01.11.2023; accepted for publication 17.12.2023.